

22 июня – День памяти и скорби

Первой узнала о начале войны

Жительнице Чалтыря Кехецик Акоповне Аведян (в девичестве Багаджиян) в августе этого года исполнится 94. Большая жизнь – большая трудовая биография. Она много лет проработала в огородной бригаде, затем в дорожном отряде колхоза имени Шаумяна, а когда сил стало поменьше, устроилась в детский дом нянечкой...

Но в далеком 1941 году Кехецик работала телеграфисткой на почте в Чалтыре. И так уж случилось, что первое сообщение о начале войны пришлось принимать именно ей, 20-летней девушке, только пару месяцев назад вышедшей замуж.

Вот как вспоминает Кехецик Акоповна то роковое июньское утро, взорвавшее мир и перечеркнувшее планы, мечты и надежды миллионов людей.

“Вечером 21 июня мы с семьей долго сидели во дворе, беседовали, пили чай, потом отправились спать. Под утро вдруг слышим стук в дверь. Муж пошел открывать, возвращается и говорит, что это пришли ко мне. Я удивилась. Выхожу, а там сторож почты Айкбаби Барашян. “Давай, пойдем скорее, – гово-

рит, – там твой аппарат беспрерывно стучит”. Я быстро оделась и поспешила на работу. Бегу, а муж и сторож за мной.

Прибежали на почту, а там действительно аппарат стучит, но как-то странно, не так, как всегда.

Я надела наушники. Слышу – примите срочную телефонограмму из Москвы. “Господи, – думаю, – что ж такое?”. Начинаю печатать текст на ленте и вдруг понимаю:

случилось страшное – война!!! Отвлекаться некогда, а слезы наворачиваются на глаза. Муж тоже понял, в чем дело, стоит сзади и плачет. Сообщение, казалось, не будет конца. В нем 500 слов было и каждое из них я еще долго помнила. Передали две телефонограммы: для военкомата и для сельсовета. В них расписывалось все, что надо делать.

Когда я закончила, было уже 7 часов утра.

Вызвали разносчицу Дору Кияхову, она понесла телефонограммы по адресам. А я стала убирать ленты, которые лежали по всему полу. Собрала все, запаковала, написала дату приема и сдала на склад, они должны были там храниться.

Вот так я первая в районе узнала, что фашисты напали на нашу страну. Ничего никому не сказала тогда, а уже днем было официальное сообщение о начале войны”.

Дети, погибшие в Великую Отечественную

Война жестока, безжалостна и не разборчива. Она убивает и калечит не только солдат, но и женщин, стариков, детей. Вот печальная статистика. Из 168 погибших в Великую Отечественную мирных жителей района 96 – это дети.

Язык цифр лаконичен и бесстрастен. Но именно он наиболее убедительно рассказывает о масштабах трагедии, когда в большой войне погибают маленькие дети, будущее страны.

Пениамину Саркисовичу Аведяну не было и 13 лет, когда при эвакуации его тяжело ранило. Мать с бабушкой вернулись обратно домой, а тут ни врачей, никого, и немцы вот-вот войдут в Чалтырь. Так и сидела женщина рядом с истекающим кровью сыном, ничем не могла помочь. Похоронили мальчика на своем огороде, потому что и на кладбище невозможно было его везти.

Многие люди старшего поколения помнят и Репегу Хачехпаровну Хатламджиян – красивую девочку с темными волосами, активную общественницу, участвовавшую во всех школьных делах. Ей было всего 13 лет, когда началась война. А вот фотографии Ре-

пегу нет ни одной. По воспоминаниям ее младшей сестры Егисапет Хачехпаровны Бабян, во время эвакуации их семья остановилась по соседству с родственниками, у одной русской женщины. Мать Сирануш Ованесовна готовила вареники с творогом, когда началась бомбежка. Услышав взрывы, все побежали к выходу, но Арцвиг, старшая дочь Сирануш, зацепилась за гвоздь и упала, ее ранило в ногу. И в это время обрушились часть крыши и паранет, завалило мать. Репега в это время находилась в другой комнате и, испугавшись, спряталась под кровать, но осколок настиг ее и там. Когда бомбежка закончилась и все вернулись, то увидели раненую Репегу, а мать сквозь туман

услышала: “И мать без сознания”. Это заставило ее очнуться. Репега прошептала, что у нее в животе словно огонь горит и попросила отнести к тете. Ее положили на простыню и понесли к родственникам. Репега с тоской посмотрела и сказала, что, если выживет, то боком пойдет в церковь... Но ей не суждено было жить.

В бомбежку погибли трехлетняя Кнарик Асватуровна Торпуджиян и двухлетняя Сусанна Аршаковна Срабюнян. Сусанна с бабушкой спали в комнате, когда бомба упала прямо на их дом. Мать и сестра Азнив были во дворе, они тоже обгорели, но спаслись.

Друзья Мнацакан Багаджиян, Хазарос (Лазарь) Явруян, Мнацакан Ачарян и Андраник Чубарян пошли играть на окраину Чалтыря и попали под бомбежку. Мнацакан Багаджиян погиб сразу, Хазароса мать на себе принесла домой, где он и умер, а Мнацакану Ачаряну оторвало ногу.

Даже после изгнания врага с донской земли счет жертв войны продолжал по-

полняться. Оставшиеся на полях в большом количестве боеприпасы, мины то и дело взрывались, нарушая тишину мирной жизни.

Солнечный ясный день 7 февраля 1944 года унес жизни сразу пятерых ребят – Васака Рубеновича Поповьяна, двоюродных братьев Мовсеса Сероповича и Асватура Кероповича Сынджихянов, Аршалуйса Мелконовича Килафяна и его племянника Хугаса Маргосовича.

Их товарищ Андраник Карапетович Гайбарян вспоминает: “Мы в тот день утром работали в школе, очищали двор. Договорились потом пойти в балку Мамаин деран, где было очень много гранат, мы их собирали. Но по пути домой мне стало плохо. Я еле дополз до кровати, лег и уснул. Васак Поповян, не дождавсь меня, пошел к Асватуру Сынджихяну, к ним присоединились Аршалуйс Килафян с племянником, которому не было и семи лет, в школу еще не ходил. Я проснулся от оглушительного взрыва, побежал к соседям и узнал, что это подорвались

ребята. От Мовсеса почти ничего не осталось, остальные тоже погибли на месте, только Хугаса повезли в больницу, говорили, у него семнадцать ран, он тоже умер. Вот так в одночасье я потерял всех своих лучших друзей”.

Кто-то из родственников заказал поминальный крест в память о погибших. Эта работа мастера Абрама Мовсесяна сейчас находится в чалтырской церкви Сурб Амбарцум.

Багдасар Хачатурович Хояннан подорвался в собственном огороде, где играл вместе с другом. Мать буквально по частям собирала тело сына.

Ованес Григорович Согомонян и Мелкон Сукиясович Майкоглуян шли по обочине оврага, выискивая патроны. Мать Ованеса пошла за водой к кладбищу, и в это время раздался взрыв. Сердце матери вздрогнуло, почувствовав неладное. Она побежала обратно, а навстречу ей соседский мальчик весь в крови, он и сказал, что ребята уже нет в живых.

Как ни призывала мать

Хачереса Акоповича Явруяна быть осторожным (ведь совсем недавно подорвался ее младший сын Богос), да разве мальчишку удержит. Через полгода погиб и старший.

У родника Мец-Чорвах оборвались жизни двоюродных братьев Саркиса Аршалуйсовича Байбичева и Арсена Амбарцумовича Дзреяна, у которого несколько месяцев назад в бомбежку убило мать и деда.

Во время игры погибли друзья Ардашес Аршакович Хейгетян и Мартирос Саркисович Обаян, которым было по 16 лет. Столько же было Амбарцуму и Хачехпару Чибичянам, безвинно расстрелянным в числе 9 мирных жителей на Золотой горе в Чалтыре.

В сущности были еще подростками и те, кто уходил на войну в возрасте 17 и 18 лет и пал на полях сражений.

История войны писалась кровью, и сколько бы ни прошло лет, мы не вправе забывать эти горькие страницы. Это наша память о тех, кто ушел из жизни, по сути не начав жить.

К. СМОЛЯНИЧЕНКО, краевед.

НЕ ДАЕТ ПОКОЯ ПАМЯТЬ

Детям войны выпала горькая участь. Вместе со взрослыми они пережили трагедию Великой Отечественной, голодали, мерзли, ходили в обносках. И теряли близких, родных людей – отцов, матерей, братьев, сестер, любимых друзей, с которыми когда-то так беззаботно играли. Мальчики и девочки, чье детство не состоялось, не сбылось. Их слезы не высохли, и раны на сердце кровоточат до сих пор. Не дает покоя память о тяжелых годах, давно ушедших, но не забытых.

Вот о чем поведал нам житель села Чалтырь Саркис Лусегенович Писирян:

“У нас была большая, дружная семья. Отец, Лусеген Григорьевич, и мать, Мариам Саркисовна Писиряны, работали в колхозе, растили нас, пятерых детей. Самым старшим был Хачик, за ним на свет появилась Паранцем, потом Гриша, Арутюн и я – Саркис. Незадолго до войны, в 1940-м году внезапно умерла наша мама. И папа, осознавая, что в одиночку не управится с нами, женился во второй раз. Хотя, конечно, ему помогали родственники, особенно брат Хачатур. Он жил рядом и имел четырех детей.

Когда началась война, оба брата Писиряны ушли на фронт. Дома остались жены с ребятишками на руках. Жили, как все тогда – трудно, голодно, тревожно. В июле 1942-го фашисты во второй раз оккупировали Мясниковский рай-

он. Мирные жители стали спешно покидать насиженные места. Среди тех, кто решил эвакуироваться, были и две наши семьи. Если бы мы только могли представить, чем обернется эта попытка спастись!

Вместе с другими односельчанами тронулись в путь, в сторону Больших Салов, откуда была родом наша мачеха. Шли пешком, только самые младшие детишки сидели на деревянной тачке. Ночью добрались до Ростова, остановились на ночлег в каменном сарае, расположенном рядом с церковью Сурб Хач. Это временное убежище было переполнено людьми, и мы кое-как нашли себе уголок, разместились, улеглись рядышком.

И вот тяжелая, беспоконная ночь миновала. С первыми лучами солнца народ стал выбирать на

улицу, чтобы продолжить путь. Вместе с остальными вышли из сарая и мы. Вдруг откуда-то сверху послышался пронзительный, ревуший звук – прямо на нас летел фашистский самолет. И сразу же посыпались бомбы, одна попала в самую гущу людей. Описать эту страшную картину невозможно: повсюду растерзанные человеческие тела, слышны крики, стоны, мольбы о помощи...

Вражеский авианалет длился несколько минут, а погибших и пострадавших было просто не счесть. И наши две семьи в буквальном смысле разметало взрывом. Смертельное ранение получила мачеха, мой родной и двоюродный братья, оба Гриши, погибли мгновенно, Арутюна и Хачика задело осколками. Дочери дяди также были ранены: Маня – в ногу, Варсеник – в руку. В суматохе взрослые никак не могли отыскать пятiletнюю Анаид, мою двоюродную сестренку, звали ее, обегали весь двор. И вдруг увидели, что из-под завалов виднеется красный лоскуток. Это был краешек платья девочки, жизнь которой тоже оборвалась так страшно. Из нашей семьи я был самым младшим, и меня спасла от смерти се-

стра Паранцем, она укрывала меня своим телом.

В Ростове жила наша родная тетя по отцу – Манушак Григорьевна Лусипкаева. Узнав о горе, постигшем семью ее братьев, она поспешила на помощь. Прибежала в госпиталь, куда привезли раненых детей, отыскала там 14-летнюю Маню. А ведь госпиталь был уже занят немцами, но это ничуть не испугало боевую, сильную духом женщину. Она вошла в палату, толкнула локтем стоявшего на пути фрица и сказала по-русски: “Зачем же ребенка положили среди этих гадов!”. Через какое-то время забрала Маню к себе, выходила ее. И меня вырастила. Одним словом, всем нам помогала.

Погибших моих братьев похоронили в общей могиле, в районе Рабочего го-

рода. Их тела просто не успели забрать родственники. А вот маленькую Анаид привезли на телеге в Чалтырь, и местом ее последнего пристанища стала родная земля.

В то время мне было всего три года, и в силу своего возраста я не мог запомнить случившееся, но позднее узнал обо всем из рассказов моих старших братьев и сестер, которые очень часто говорили о тех трагических событиях. Дня не проходило, чтобы они не вспоминали то черное июльское утро...

В 1946 году вернулся с войны отец. Детишки из обеих семей жили под одной крышей, в доме Хачатура Лусегеновича, и его жена, наша мец-мама Агавни Аведиковна, заботилась и о своих родных сыновьях,

дочерях, и об осиротевших племянниках в равной степени, всех сберегла. Эта женщина сделала для нас так много, и мы обожали и глубоко уважали ее. Я жил у тети, Манушак Григорьевны, и однажды отец приехал за мной, потом он забрал из детдома Арутюна. И мы вновь почувствовали себя единой семьей. Наверное, для человека, особенно, маленького, нет ничего важнее тепла и поддержки близких ему людей. Война может отнять, растоптать это счастье. Потому мы желаем всем детям, нашей молодежи мира на Земле”.

Записала И. АЧАРЯН.

На снимках: братья Писиряны и их сестра Анаид, погибшие под бомбежкой в 1942 году.